

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.72>

Соболева Анна Александровна

КРУГ ЧТЕНИЯ ГЕРОЕВ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА "БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА"

Статья посвящена кругу чтения героев в повести А. С. Пушкина "Барышня-крестьянка" и уточняет роль реминисценций в структуре образов героев. Многочисленные отсылки к другим произведениям мы рассматриваем как приёмы описания персонажей и способы заявить об авторской позиции. Упоминание произведений различных жанров и направлений характеризует образ жизни и мировоззрение людей. Именно круг чтения является источником примеряемых героями масок, а значит, источником возникающей в повести игры. Прямые указания на конкретные произведения И. Б. Богдановича и Н. М. Карамзина помогают читателю понять авторскую установку на изображение частной жизни людей, описание русского национального характера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/72.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 351-355. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 04.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.72>

Статья посвящена кругу чтения героев в повести А. С. Пушкина «Барышня-крестьянка» и уточняет роль реминисценций в структуре образов героев. Многочисленные отсылки к другим произведениям мы рассматриваем как приёмы описания персонажей и способы заявить об авторской позиции. Упоминание произведений различных жанров и направлений характеризует образ жизни и мировоззрение людей. Именно круг чтения является источником примеряемых героями масок, а значит, источником возникающей в повести игры. Прямые указания на конкретные произведения И. Б. Богдановича и Н. М. Карамзина помогают читателю понять авторскую установку на изображение частной жизни людей, описание русского национального характера.

Ключевые слова и фразы: круг чтения героя; маска; А. С. Пушкин; реминисценция; эпитафия.

Соболева Анна Александровна, к. филол. н.

Московский финансово-юридический университет МФЮА

soboleva84@inbox.ru

КРУГ ЧТЕНИЯ ГЕРОЕВ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА»

Определяя приёмы межтекстовых связей «как способы отсылки читателя (или слушателя) к какому-либо иному тексту» [4, с. 59], А. И. Горшков выделяет цитаты (в том числе автоцитаты), эпитафии, цитатные заглавия, аллюзии, реминисценции, повторяющиеся образы, указания на круг чтения героев [Там же, с. 59-63]. Вопрос о подобных отсылках в произведениях А. С. Пушкина, в том числе в «Повестях Белкина», неоднократно поднимался в литературоведении и языкознании ([3, с. 435-437, 459-461, 472, 536, 539-582; 7, с. 60-97; 12, с. 106-112; 15, с. 44-55; 18, с. 225-244] и др.). Однако вопрос о круге чтения героев отдельно не разбирался и остаётся **актуальным**. Детальное освещение получила тема авторских масок в данном прозаическом цикле [6, р. 319-320; 11, с. 279-302], но соотношение масок героев с прочитанными книгами специально не изучалось, что определяет научную **новизну** нашего исследования. **Целью** работы является комплексное рассмотрение указаний на круг чтения героев повести «Барышня-крестьянка». Свои **задачи** мы видим в следующем: определить значение круга чтения в структуре образа героев, в частности роль круга чтения в выборе героями той или иной маски; установить, как посредством круга чтения автор повести выражает своё отношение к героям.

Известно, что Пушкин придавал большое значение подбору эпитафий к своим произведениям [5, с. 391; 17, с. 66]. Последнюю часть цикла «Повести Белкина» предваряют слова: «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша» [14, с. 109], – строка из «Душеньки», древней повести в вольных стихах И. Ф. Богдановича (1783 год). А. И. Горшков называет эпитафию наиболее значимым и распространённым приёмом межтекстовых связей и отмечает, что эпитафия не просто указывает на «основное содержание, особенности развития сюжета, характеры главных персонажей и т.п.» в произведении, но и «связывает его с тем произведением, из которого он взят» [5, с. 61].

Приведём контекст, в котором строка, выбранная Пушкиным для эпитафии, дана у Богдановича. Душенька, оказавшись в доме Амура, рассматривает чудесные палаты, где «Везде её портреты // Являлись по стенам...» [1, с. 77]. Героиня видит себя в разных образах («в простых уборах и нарядных» [Там же]), которые не примеряла в жизни. На этом этапе повествования автор восхищается внешней красотой героини:

Во всех ты, Душенька, нарядах хороша...
Во всех ты чудо света,
Во всех являешься прекрасным божеством,
И только ты одна прекраснее портрета [Там же].

С одной стороны, Богданович заявляет, что прекрасная внешность его героини не может быть передана кистью живописца, и никакой портрет не заменит живого человека. С другой стороны, автор утверждает: красота – не только и не столько зрительный образ. Далее героиня не просто переодевается, радикально меняется окружающая её обстановка, на определённом этапе её лицо оказывается обезображенным, но Амур не перестаёт любить свою жену. Именно внутренние качества Душеньки помогают пережить невзгоды и обрести счастье. Данная мысль находит подтверждение в развитии сюжета поэмы Богдановича и является одной из ключевых в повести Пушкина.

В поэме Богдановича непосредственно за строкой, выбранной Пушкиным к эпитафии к его прозаической повести, названы противоположные образы: царица и пастушка. Сюжет «Барышни-крестьянки» строится именно на смене главной героиней образов, противоположных по своему социальному статусу, что закреплено в названии произведения.

Эпитафия, являясь символом «преемственности сменяющих друг друга поколений» [9, с. 42], настраивает читателя на соответствующий лад. Богданович сразу заявляет тему своего произведения, говоря об её отличии от тем классицизма:

Не Ахиллесов гнев и не осаду Трои,
Где в шуме вечных ссор кончали дни герои,
Но Душеньку пою [1, с. 46].

«Шум вечных ссор» иронически противопоставляется жизни героини. Богданович определяет не только тему произведения, отказываясь воспевать героические сражения и обращаясь к «счастью селений благодатных» [Там же], но и творческий метод, свободный от формальных ограничений:

Тебя, о Душенька! На помощь призываю
Украсить песнь мою,
Котору в простоте и вольности слагаю,
Не лиры громкий звук – услышишь ты свирель,
Сойди ко мне, сойди от мест, тебе приятных,
Вдохни в меня твой жар и разум мой осмелъ [Там же]...

Обращение автора к героине погружает читателя в атмосферу дружеской беседы. Те же интонации звучат и в «Барышне-крестьянке», где автор рассказывает о героях как о своих добрых знакомых. Характеристика, данная Богдановичем своей поэме, подходит и к последней из «Повестей Белкина», в которой «царствуют без скук весёлости одни» [Там же].

В «Душеньке» и «Барышне-крестьянке» есть ряд общих сюжетных моментов. У Богдановича мать Купидона Венера выступает против Душеньки (вспомним первый разговор Лизы с отцом о Берестовых, где Муромский говорит о вражде двух семейств), Душенька сначала не знает, кем является её супруг на самом деле, как и Алексей не знает, кто его возлюбленная. Купидон продолжает любить Душеньку, когда она становится чернее сажи. В конце повести Юпитер произносит слова, которые могли бы стать заключением и к «Барышне-крестьянке»:

«...Наружный блеск в очах приходит так, как дым,
Но красоту души ничто не изменяет,
Она единая всегда и всех пленяет» [Там же, с. 125-126].

Главные герои повести «Барышня-крестьянка» сознательно создают в глазах окружающих образы, отличные от их настоящего лица, но за масками им не удаётся скрыть истинного характера. Образы, которые Алексей и Лиза придумали и демонстрируют другим, навеяны кругом их чтения, причём именно текстовые отсылки позволяют читателю объяснить мысли и поступки молодых людей.

На круг чтения Алексея Берестова указывает имя его собаки – Сбогар. Иностранная кличка – один из признаков, по которому «крестьянка» отличила молодого барина от слуги [14, с. 114]. Главный герой романа Ш. Нодье «Жан Сбогар» (1818 год) – загадочный разбойник, прошлое которого скрывает какую-то зловещую тайну. Сбогар, разочарованный в жизни, погубил свою возлюбленную и сам погиб. Следует отметить, что в черновике «Барышни-крестьянки» собаку Алексея звали Лара, как героя одноимённой поэмы Д. Г. Байрона (1814 год). Маска Алексея, которую он всякий раз надевает в деревенском обществе, заимствована из такого рода произведений: «Он первый перед ними явился мрачным и разочарованным, первый говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности; сверх того носил он черное кольцо с изображением мертвой головы» [Там же, с. 111]. Вот мнение, которое сложилось у Лизы по рассказам молодых соседей: «А я думала, что у него лицо бледное»; «Да как же, говорят, он влюблен и ни на кого не смотрит?» [Там же, с. 112]. Молодой человек сознательно создаёт и поддерживает образ, навеянный модной литературой. Преднамеренность игры подтверждается описанием поведения младшего Берестова во время первого визита к Муромским: «...Алексей размышлял о том, какую роль играть ему в присутствии Лизы» [Там же, с. 119]. Лиза во время этой встречи не уступает своему возлюбленному и демонстрирует ему не своё истинное лицо, а новую маску: «Алексей продолжал играть роль рассеянного и задумчивого. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, на распев, и только по-французски» [Там же, с. 120]. Лиза «дурачит» [Там же] (по выражению Муромского) Берестовых во время обеда, то же делает Алексей с местными барышнями. Игра молодого человека удаётся, поскольку девушки готовы к восприятию романтического образа и сами додумывают недостающие детали: «...они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам» [Там же, с. 110]. В вариантах автографа появлялись «фр.<анцузские> книжки – романы», «стихи, романы» [Там же, с. 665-666]. В окончательной редакции автор выбирает более обобщённый вариант, но круг чтения достаточно чётко обозначен другими отсылками в повести. Противопоставление столичных и сельских характеров у Пушкина соотносится с отмеченным выше противопоставлением «осады Трои» и «сладких дней» в «селениях благодатных» в «Душеньке» Богдановича [1, с. 46].

Приведённые выше строки можно трактовать как реминисценцию к «Евгению Онегину» (1823-1830 годы). Вспомним X строфу третьей главы, где описано, как круг чтения Татьяны влияет на её чувства, мечты и поступки:

...себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвеньи шепчет наизусть
Письмо для милого героя [13, с. 55]...

Как Татьяна обманулась в Евгении («Но наш герой, кто б ни был он, // Уж верно был не Грандисон» [Там же]), так и Лиза обманывается, составляя своё мнение об Алексее по рассказам подруг и собственным ожиданиям, сформированным чтением.

Особенно стоит отметить, что Пушкин подчёркивает живость характера Лизы Муромской: «Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в отчаянье ее мадам мисс Жаксон...» [14, с. 111]. Характеристика гувернантки также даётся через её любимую книгу – роман С. Ричардсона «Памела, или вознаграждённая добродетель» (1741 год). Анализ этой героини в связи с кругом её чтения представлен в работе М. В. Елифёровой [7, с. 93-95].

Несмотря на иронию в описании провинциальных барышень, очевидно, что автор им симпатизирует: «...шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное, *особенность характера, самобытность* (individualité), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия. В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы. Сие да будет сказано не в суд, и не во осуждение, однако ж *Nota nostra manet*, как пишет один старинный комментатор» [14, с. 111]. Источник приводимого суждения Жана-Поля Рихтера был ранее определён пушкинскими, происхождение латинской цитаты не установлено [12, с. 110]. Мы в свою очередь обратим внимание на использование фразы из молитвы, которую священник произносит во время литургии: «...сподоби нас причаститься... не в суд или во осуждение» [2, с. 146]. Таким образом, в тексте Пушкина соседствуют отсылки к различным текстам (или имитации подобных отсылок). То, как естественно встроена фраза из молитвы в текст повести, свидетельствует, что рассказчик хорошо знаком с церковной службой. Религиозное сознание также проявляется в разговоре Лизы-Акулины («Ради Христа, не приходи»; «Ну вот те святая пятница, приду» [14, с. 115]; «Ах, барин, грех тебе это говорить...» [Там же, с. 121]) с Алексеем («Побожись»; «Алексей поклялся было ей святою пятницею...» [Там же, с. 115]; «Алексей божился ей...» [Там же, с. 121]). Иван Петрович Берестов в пылу ссоры с сыном, чтобы уверить в нерушимости своего решения, восклицает «как бог свят!» [Там же, с. 123].

Алексей Берестов примеряет на себя не одну маску. Мечтая о военной службе, он старается внешне соответствовать образу гусара, который сложился в общественном мнении не без влияния литературы: «...молодой Алексей стал жить покаместь барином, отпустив усы на всякий случай» [Там же, с. 110].

Однако Пушкин особо отмечает, что веяния эпохи не стали причиной глубоких внутренних перемен в молодом помещике: «Дело в том, что Алексей, несмотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, был добрый и пылкой малый и имел сердце чистое, способное чувствовать наслаждения невинности» [Там же, с. 115]. В варианте рукописи разочарованность вместо «мрачной» названа «модной» [Там же, с. 679], что не оставляет сомнения в игре, продиктованной эпохой романтизма.

Тем не менее нельзя сказать, что маски героев являются только данью моде и никак не влияют на их чувства, доказательством тому служат мысли, возникающие у молодых людей, когда их игра заходит так далеко, что требует от обоих принятия серьёзных решений. О Лизе читаем: «...самолюбие ее было втайне подстрекаемо темной, романтической надеждою увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца» [Там же, с. 117]. Сходные мысли возникают и у Алексея: «В первый раз видел он ясно, что он в нее страстно влюблен; романическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову, и чем более думал он о сем решительном поступке, тем более находил в нем благоразумия» [Там же, с. 123]. На первый взгляд в данной фразе кроется противоречие: «романическая мысль», то есть нечто, связанное с чувствами, мечтами, видится герою «благоразумной».

Романтическое настроение героя поддерживается и в речи рассказчика, когда он называет прилучинский дом «замком» [Там же], описывая второй визит Алексея к Муромским.

Однако подобное настроение молодых людей не находит отклика у их отцов. Григорий Иванович Муромский иронизирует над капризами своей дочери («Давно ли ты стала так застенчива, или ты к ним питаешь наследственную ненависть, как романическая героиня? Полно, не дурачься...» [Там же, с. 118]) и надеется на естественный ход событий («Но, думал Григорий Иванович, если Алексей будет у меня всякий день, то Бетси должна же будет в него влюбиться. Это в порядке вещей. Время всё сладит» [Там же, с. 122]). Иван Петрович Берестов гораздо более категоричен и напрочь отказывается принимать в расчёт чувства сына: «Алексей знал, что если отец заберет что себе в голову, то уж того, по выражению Тараса Скотинина, у него и гвоздем не вышибешь; но Алексей был в батюшку, и его столь же трудно было переспорить» [Там же, с. 123]. Трудно представить более чуждый романтизму характер, чем герой комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», с которым сравниваются отец и сын Берестовы.

Для характеристики отцов существенным является указание на их круг чтения. Из приведённых выше слов Григория Ивановича очевидно, что он знаком с современной художественной литературой, но не воспринимает её как жизненное руководство. Кроме того, в беседе с дочерью он приводит примеры, «почерпнутые из английских журналов» [Там же, с. 115], которые, видимо, являются источником нововведений в его поместье. Напротив, Иван Петрович «ничего не читал, кроме Сенатских Ведомостей» [Там же, с. 109] («Моск. <овских> Ведомостей» [Там же, с. 662] в варианте черновика), правительственной газеты, публиковавшей официальные сообщения.

Говоря об отношении И. П. Берестова к Г. И. Муромскому, автор называет первого Зоилом (Аристархом – в варианте автографа). Пушкин использует имена известных древних критиков, причём в окончательном варианте образ помещика оказывается более суровым, поскольку имя Зоила ассоциируется именно с недоброжелательной критикой. Для описания реакции на критику Муромского автор привлекает сравнение с журналистами (лирическим поэтом – в варианте автографа), намекая на литературную полемику начала XIX века.

Рассказывая о Муромском, Пушкин неточно цитирует «Сатиру» (1808 год) А. А. Шаховского [Там же, с. 109]. По вариантам черновой рукописи [Там же, с. 663] мы видим, что сначала Пушкин использовал цитату практически без изменения, потом пытался переделать цитату, но в конце концов вернулся к исходному варианту.

Изменение текста «Сатиры» в окончательной редакции «Барышни-крестьянки» незначительно, и заимствованная строка имеет у Пушкина то же значение, что и у Шаховского:

...Из иностранных книг и с образца чужого
Без толку, без пути он сеет русский хлеб;
Да на чужой манер хлеб русский не родится [16, с. 78].

Указанная цитата из Шаховского имеет значение не только как остроумная характеристика хозяйственных неудач Муромского. Меткое выражение также описывает отношения между героями, когда навеянные зарубежной литературой романтические мечтания грозят крахом всей жизни, а устроенный родителями брак обещает быть счастливым, таким образом цитата становится лейтмотивом всей повести. В связи с этим уместно вспомнить образное определение цитаты, данное О. Э. Мандельштамом при разговоре о творчестве Данте: «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает» [10, с. 11]. Подтверждением этой мысли может служить то, что Алексей и Акулина-Лиза читают «Наталью, боярскую дочь» (1792 год) (произведение, очевидно, выбрал Алексей): «Кто из нас не любит тех времён, когда русские были русскими, когда они в собственное своё платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали?» [8, с. 55]. Подобное начало повести Н. М. Карамзина не только сообщает читателю об эпохе, в которую ему предстоит погрузиться, но сразу обозначает авторское отношение к этому времени.

Вспомним мысль Алексея о женитьбе на крестьянке, которую он сам определял как «романтическую» и одновременно «благоразумную». «Романтической» эта мысль была, поскольку вполне соответствовала прочитанной герою литературе, а благоразумной – поскольку была продиктована его сердцем, искренне полюбившем не просто внешнюю красоту, но и душу Лизы-Акулины. В процитированной выше фразе о чувствах и размышлениях Алексея [14, с. 123] характеризуется не только герой, но и позиция автора «Барышни-крестьянки», ключ к раскрытию которой даёт указание на «Наталью, боярскую дочь».

Сходные с «Барышней-крестьянкой» места можно без труда отыскать и в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина (1792 год), например: «Нет! Мне не надобно клятвы. Я верю тебе, Эраст, верю. Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь этому нельзя быть?» [8, с. 44]. И у Пушкина: «“Мне не нужно клятвы”, сказала Лиза, “довольно одного твоего обещания”» [14, с. 116].

Очевидно, что в «Барышне-крестьянке» прямо названы три произведения: «Душенька» И. Ф. Богдановича, «Памела, или вознаграждённая добродетель» С. Ричардсона, «Наталья, боярская дочь» Н. М. Карамзина. Первое произведение, хорошо известное читателям начала XIX века, послужило источником эпиграфа к повести, оно было выбрано автором и соотносит тему и настроение «Барышни-крестьянки» с поэмой Богдановича. Атмосфера романа Ричардсона в восприятии мисс Жаксон оказывается противопоставленной «варварской России». «Наталью, боярскую дочь» Алексей и Лиза читают во время своих свиданий. Схожесть ситуации, в которой оказываются герои Пушкина, с тем, что они читают, дарит надежду на счастливый конец. Кроме того, ключевой видится установка Карамзина на изображение русских людей, искренних в своих отношениях. Во время свиданий с Акулиной-Лизой Алексей не играет никакой роли, он ведёт себя естественно. Лиза, несмотря на чужое имя и крестьянское платье, не жеманится, не обманывает Алексея в главном – в своих чувствах. Наградой для героев становится счастливая развязка.

«Барышня-крестьянка», как и весь цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина», наполнена отсылками к произведениям русской и мировой словесности. Прямое или косвенное название книг, которые входят в круг чтения героев, имеет ключевое значение в структуре образа. С одной стороны, названные автором произведения показывают, какие источники повлияли на характер и мировоззрение персонажей, с другой – герои создают разные маски, которые надевают в тех или иных обстоятельствах, опираясь именно на прочитанные книги. Таким образом, описание круга чтения является лаконичным и при этом действенным средством представить героя читателю. Также указания на круг чтения героев помогают определить авторское отношение к описываемым событиям, будь то ирония в случае с мисс Жаксон или снисхождение к проказам молодости и одобрение искренних порывов Алексея и Лизы. Рассмотрев способы изображения героев и отношение к ним автора, мы можем раскрыть основной пафос произведения.

Список источников

1. **Богданович И. Ф.** Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель (Ленингр. отд-ние), 1957. 257 с.
2. **Божественная литургия Святого Иоанна Златоуста:** с параллельным переводом на русский язык / под ред. митрополита Волоколамского Иллариона (Алфеева). М.: Никея, 2016. 192 с.
3. **Виноградов В. В.** Стиль Пушкина. М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1941. 620 с.
4. **Горшков А. И.** Лекции по русской стилистике. М.: Литературный ин-т им. А. М. Горького, 2000. 269 с.
5. **Горшков А. И.** Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М.: Литературный ин-т им. А. М. Горького, 2008. 543 с.
6. **Дрозда М.** Нарративные маски русской художественной прозы (от Пушкина до Белого) // Russian Literature. 1994. Vol. 35. P. 287-548.

7. Елифёрова М. В. «Повести Белкина» в контексте раннего восприятия Шекспира в России (1790-1830): дисс. ... к. филол. н. М., 2007. 267 с.
8. Карамзин Н. М. Избранные произведения. М.: Дет. лит., 1966. 272 с.
9. Кржижановский С. Д. Искусство эпитафия (Пушкин) // Серия «Записки Мандельштамовского общества»: в 10-ти т. М.: ТОО «Радикс», 1994. Т. 6. Кржижановский С. Д. «Страны, которых нет»: статьи о литературе и театре. Записные книжки. Записки Мандельштамовского общества. С. 40-61.
10. Мандельштам О. Э. Разговор о Данте. М.: Искусство, 1967. 88 с.
11. Осьмухина О. Ю. Авторская маска в русской прозе 1760-1830-х гг.: дисс. ... д. филол. н. Саранск, 2009. 495 с.
12. Пушкин А. С. «Повести Белкина». Научное издание. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1999. 830 с.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19-ти т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 6. 700 с.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19-ти т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 8. 1120 с.
15. Хализев В. Е., Шешунова С. В. Цикл А. С. Пушкина «Повести Белкина». М.: Высшая школа, 1989. 80 с.
16. Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1961. 828 с.
17. Шкловский В. Б. Заметки о прозе русских классиков. М.: Сов. писатель, 1953. 324 с.
18. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» и «Пиковая дама». СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. 356 с.

PERSONAGES' RANGE OF READING IN A. S. PUSHKIN'S STORY "THE SQUIRE'S DAUGHTER"

Soboleva Anna Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
 Moscow University of Finance and Law (MFUA)
 soboleva84@inbox.ru

The article analyses personages' range of reading in A. S. Pushkin's story "The Squire's Daughter" and clarifies the role of reminiscences in the structure of the personages' images. Numerous references to other works are considered as the techniques to describe the personages and the ways to disclose the author's attitude. References to works of different genres and trends characterize an individual's life style and worldview. The personages' reading experience motivates them to wear a mask, and, consequently, initiates a game, which unfolds in a story. Direct references to I. B. Bogdanovich's and N. M. Karamzin's works help the reader to understand the author's intention to depict peoples' private life, to describe the Russian national character.

Key words and phrases: personage's range of reading; mask; A. S. Pushkin; reminiscence; epigraph.

УДК 821.161.1ЕвгенийОнегин7Пушкин:801.6
<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.73>

Дата поступления рукописи: 10.02.2019

В статье исследуются портретное изображение главного героя в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и стиховые средства его создания: рифма, стихотворные переносы и особенности ритмического движения (спондеи и пиррихии). Онегин занимает исключительное место в образной и идейной системе романа, а его портрет отражает сложную динамику образа. Характеризуется портрет героя, выявляются его портретообразующие и стиховые средства, что составляет новизну исследования. Установлено, что Пушкин стремился использовать элементы различных типов портретов (динамического, статического, психологического, отвлеченного), активно задействовал стиховые средства. Подтверждается установка Пушкина на разнопортретность, что позволило ему создать подвижный, но цельный образ.

Ключевые слова и фразы: портрет; поэтический портрет; А. С. Пушкин; стиховые средства; динамический портрет; статический портрет; разнопортретность.

Уткина Елена Викторовна, к. филол. н.
 Оренбургский государственный педагогический университет
 ospri@ospri.ru

ПОРТРЕТ ОНЕГИНА В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И СТИХОВЫЕ СРЕДСТВА ЕГО СОЗДАНИЯ

В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к изучению особенностей развития и функционирования портрета в художественных произведениях [11; 20], все чаще исследования посвящаются поэтическим текстам [1; 9; 12; 13]. В них в том числе затрагиваются особенности портрета у А. С. Пушкина. Портретные изображения в его поэзии интересовали ученых и раньше [8; 10; 19], они рассматривались наряду с идейно-художественным, композиционным своеобразием его произведений [3; 6; 17; 23], внутренней эволюцией героев [4; 6; 16; 18; 22], однако не становились объектами непосредственного исследовательского интереса. Позже появился ряд работ, в которых к пушкинскому портрету обращались не только как к средству характеристики героя, но и как к «арсеналу исторических форм и формул», помогающих воплотить в сознании автора или читателя «визуальный образ» [14, с. 5]; как к компоненту изобразительно-го потенциала произведения, в создании которого важную роль играют цветовые решения и пластика